

УДК 82-929

М. Ю. Егоров

<https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Б. Ш. Окуджавы в периодике третьей волны эмиграции

Для цитирования: Егоров М. Ю. Б. Ш. Окуджавы в периодике третьей волны эмиграции // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 50–59. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-50-59

Задачей предлагаемого исследования является изучение материалов о творчестве и жизни Б. Ш. Окуджавы, а также всех упоминаний Б. Ш. Окуджавы на страницах периодики третьей волны эмиграции – на страницах трех эмигрантских журналов «Время и мы» (всего 118 номеров, 1975 (год выхода первого номера журнала) – 1992), «Континент» (всего 74 номера, 1974 (год выхода первого номера журнала) – 1992), «Синтаксис» (всего 33 номера, 1978 (год выхода первого номера журнала) – 1992). Для проведения исследования было изучено 225 номеров журналов русского зарубежья. Из журналов «Время и мы», «Континент», «Синтаксис» производилась фронтальная выборка сведений, касающихся Б. Ш. Окуджавы. Ни в одном из названных журналов не были опубликованы стихи или проза Б. Ш. Окуджавы. Общее количество публикаций с упоминанием Окуджавы: «Континент» – 61, «Время и мы» – 31, «Синтаксис» – 17. Примечательно, что Окуджавы вошел в редакционную коллегию журнала «Континент» в 1990 году (№65), в 1994 году вышел из редколлегии (начиная с № 84). Первое упоминание Б. Ш. Окуджавы случилось на страницах «Континента» в 1975 году в № 5. Большинство указаний на Б. Ш. Окуджаву в статьях носят комплементарный характер. Образ Б. Ш. Окуджавы, сформированный в периодике третьей волны эмиграции, можно описать следующим образом: поэт-романтик, исторический беллетрист, заслуживающий, как правило, самых высоких оценок, активно оказывающий влияние на развитие «другой» литературы в СССР, несмотря на компромиссы с властными структурами, являющийся авторитетом, камертоном и в общественной жизни.

Ключевые слова: Б. Ш. Окуджавы, третья волна эмиграции, «Континент», «Время и мы», «Синтаксис», русское зарубежье.

М. Yu. Egorov

B. Sh. Okudzhava in the periodicals of the third wave of emigration

The purpose of the article is to study materials on the work and life of B. Sh. Okudzhava, as well as all references to B. Sh. Okudzhava in the periodicals of the third wave of emigration – in three émigré journals, Time and Us (118 issues in total, 1975 (year of first issue) – 1992), Continent (74 issues in total, 1974 (year of first issue) – 1992), and Syntax (33 issues in total, 1978 (year of first issue) – 1992). To conduct the research, 225 issues of magazines of the Russian diaspora abroad were studied. Frontal sampling of information related to B. Sh. Okudzhava was done from the above mentioned issues. None of these magazines published B. Sh. Okudzhava's poetry or prose. The total number of publications mentioning Okudzhava is: Continent – 61, Time and Us – 31, Syntax – 17. It is worth mentioning that Okudzhava joined the editorial board of Continent in 1990 (No. 65) and left it in 1994 (starting with No. 84). The first mention of B. Sh. Okudzhava was in the Continent in 1975, in No. 5. Most of the references to B. Sh. Okudzhava in the articles are complimentary in nature. The image of B. Sh. Okudzhava formed in the periodicals of the third wave of emigration can be described as follows: a romantic poet, a historical novelist, generally deserving the highest ratings, actively influencing the development of «other» literature in the USSR, who enjoys great authority in public life despite compromises with the official structures.

Key words: B. Sh. Okudzhava, the third wave of emigration, Continent, Time and Us, Syntax, Russian diaspora abroad.

Введение

Задачей предлагаемого исследования является изучение материалов о творчестве и жизни Б. Ш. Окуджавы, а также всех упоминаний Б. Ш. Окуджавы на страницах периодики третьей волны эмиграции – на страницах трех эмигрантских

журналов «Время и мы» (всего 118 номеров, 1975 (год выхода первого номера журнала) – 1992), «Континент» (всего 74 номера, 1974 (год выхода первого номера журнала) – 1992), «Синтаксис» (всего 33 номера, 1978 (год выхода первого номера журнала) – 1992). Статья посвящена выпускам названных журналов, когда они были

именно изданиями третьей волны эмиграции, то есть до 1992 года.

Методы исследования

Для проведения исследования было изучено 225 номеров журналов русского зарубежья. Из журналов «Время и мы», «Континент», «Синтаксис» производилась фронтальная выборка сведений, касающихся Б. Ш. Окуджавы.

Результаты исследования

Сразу стоит сказать, что ни в одном из названных журналов не были опубликованы стихи или проза Б. Ш. Окуджавы. Общее количество публикаций с упоминанием Окуджавы таково: «Континент» – 61, «Время и мы» – 31, «Синтаксис» – 17. Примечательно, что Окуджава вошел в редакционную коллегию журнала «Континент» в 1990 году (№65), в 1994 году вышел из редколлегии (начиная с №84).

Первое упоминание Б. Ш. Окуджавы на страницах «Континента» случилось в 1975 году в номере 5 в статье Е. Эткинда, посвященной творчеству А. Галича. Уже в этой статье подчеркивается высокий статус Окуджавы, его ведущая роль в смене поэтических парадигм в конце 50-х годов 20 века: «Окуджава – это период романтизма в истории нашей песни. Он вытеснил Лебедева-Кумача, как Жуковский – Сумарокова, как романтизм пришел на смену классицизму в начале прошлого века» [Эткинд, 1975, с. 425–426]. Эту же мысль об Б. Ш. Окуджаве как романтике Е. Эткинд повторит в интервью журналу «Время и мы» в 1986 году [Эткинд, 1986, с. 183].

В журнале «Время и мы» первое упоминание Б. Ш. Окуджавы относится также к 1975 году (№2), и как уже было в «Континенте» – упоминание в статье об А. Галиче. Б. Ш. Окуджава оказывается в ряду поэтов, которых противопоставляют А. Галичу: «Но даже тогда, когда Окуджава, Матвеева, Высоцкий осуществили свое право на книжку и пластинку (каким бы куцом это право ни оказалось при реализации) – песня Галича продолжала свой путь, перематывало с магнитофона на магнитофон, минуя художественные советы и комиссии главлита. О Галиче даже не было фельетонов, как, например, об Окуджаве» [Рубинштейн, 1975, с. 165–166].

Большинство указаний на Б. Ш. Окуджаву в статьях носят комплементарный характер.

В «Континенте» заметке о книге Ю. Мальцева «Вольная русская литература» (1977, №12) читаем о достоинствах Б. Ш. Окуджавы-прозаика:

««Бедный Авросимов», «Похождения Шипова» и, наконец, «Путешествие дилетантов» – три романа, которые ставят Окуджаву в ряд самых значительных прозаиков наших дней!» [Коротко..., 1977, с. 413].

Влиятельность поэзии Б. Ш. Окуджавы связывается с появлением его эпигонов Э. Неизвестным, который в 1978 году в интервью «Континенту» отмечает: «...мой друг Булат Окуджава. Его лирические и романтические песни так и не стали официальными, но его интонации и метафоры растаскали по карманам многие из подражателей, занимающих какое-то место в официальной литературе» [Эгеланд, 1978, с. 310].

Появление переводов поэзии Б. Ш. Окуджавы связывается с угасанием на западе популярности поэзии К. Симонова: «Но вот появились в Европе и Америке стихи Окуджавы, Галича, проза Синявского и Даниэля, Белинкова, Войновича, Надежды Мандельштам, Георгия Владимова, и Симонов как писатель поблек, померк» [Поповский, 1980, с. 324].

Лирика Б. Ш. Окуджавы выступает образчиком высочайшего качества поэзии. Илья Суслов, бывший когда-то зав.отделом юмора «Литературной газеты» писал: «Конечно, я и тогда баловался литературой, писал эстрадные обозрения и репризы для клоунов в цирке, и песни, тогда еще не было Булата Окуджавы, и мы писали песни под Лебедева-Кумача. Потом появился Булат, и мы поняли, какой мусор мы писали. Булат и убил во мне песенника» [Сулов, 1980, с. 199].

Писатель Ю. Карабчиевский в статье «И воровцы и ээки. Заметки о песнях Александра Галича» утверждал: «Да ничем она не заслужила, современная литература этого вашего пиетета, пусть сама еще попробует, дотянется до песен под гитару. Поэзия – до песен Булата Окуджавы, проза и драматургия – до песен Галича» [Карабчиевский, 1982, с. 159].

Б. Ш. Окуджава выступает в статьях как одно из лиц искусства, противостоящего официозу: «Домашнее свободомыслие, бытовая оппозиция официозу были той культурной атмосферой, в которой сгустились в историко-литературные явления поэзия Галича и Булата Окуджавы» [Рубинштейн, 1977, с. 151].

Характеризуя фрондерствующего героя, писатель Гелий Снегирев в повести «Как на духу...», опубликованной в журнале «Континент» не преминет вскользь упомянуть знание героем песен Окуджавы [Снегирев, 1979, с. 132].

На страницах журнала «Континент» Николай

Тюльпинов защищает Б. Ш. Окуджаву от нападок советского критика Михаила Лобанова, опубликовавшего в журнале «Молодая гвардия» статью «История и ее литературный вариант» (1988, №3): «Видите ли, Окуджаву безнадежно болен маниакальной идеей ненависти к русской крови. Видите ли, Россия XIX века на страницах „пасквилей“ Окуджавы – „не мировая держава с мировой культурой, а какая-то помойка, которую соорудил автор“. Видите ли, на страницах этих „пасквилей“ „ни одного нормального русского человека, все уроды, тупицы, доносчики, пьяницы“. А если и имеются порядочные герои, „то кто угодно – немец, поляк, француженка, грузин и т. д. – только не русский“. „Очернительство!“ – негодует Лобанов. ... подобного рода статья – это все тот же жанр политического доноса ...это и своего рода призыв к массовому читателю. Доколе, мол, будем терпеть „инородцев“ и „масонов“» [Тюльпинов, 1988, с. 422–423] (см. также [Вишневская, 1988, с. 83–84]).

Авторитет Б. Ш. Окуджавы настолько высок, что ссылка на него выступает не только знаком высочайшей поэзии и прозы, его мнение важно и при взгляде на общественную жизнь. Заходит разговор о Польше, и Виктор Соколов указывает: «Россия и Польша. Польша и Россия. Совершенно уникальное, на мой взгляд, явление любви и ненависти, дружбы и соперничества. Русский поэт Булат Окуджава в одном из своих стихотворений так и поёт, что мы связаны „давно одной судьбою...“» [Соколов, 1980, с. 441].

В другой статье в вопросе об изменениях в Восточной Европе второй половины 80-х годов 20 века Окуджава назван пророком: «отношения русских и поляков определяются строками Окуджавы: Мы связаны, Агнешка, давно одной судьбою, В прощанье и в прощенье, и в смехе и в слезах, Когда трубач над Краковом возносится с трубою, Хватаюсь я за саблю с надеждою в глазах. Надежда на то, что „с Польши начнется“ – висит в воздухе последнего десятилетия. Потому строки Окуджавы, написанные много ранее, воспринимаются как пророческие. А его романтически-абстрактная строчка о том, что „уходим мы привычно сражаться за свободу в свои семнадцать лет“, ведет нить воспоминания к тому крылу декабристов, которое именовало себя „соединенные славяне“, и чьим лозунгом были слова: „За вашу и нашу свободу“» [Коротко..., 1986, с. 403–404].

Заходит разговор о необходимости политических перемен в СССР, и Б. Ш. Окуджава будет

указан, как один из ответственных за то, что эти перемены должны начаться: «Сколько я мечтал, что найдется же на Руси Великой хоть один именитый человек – Твардовский ли, Евтушенко ли, Окуджава ли, академик Капица ли, – который встанет на очередном партийном съезде, или на сессии Верховного Совета, или на съезде писателей, или на профсоюзном съезде и „врежет правду-матку“ о том, что пора же кончать с диктатурой Политбюро, что пора ввести подлинную демократию, самоуправление, подлинный социализм...» [Абовин-Егидес, 1984, с. 224].

Слово Б. Ш. Окуджавы настолько важно, что оно может определить в глазах слушателей перестроечную ситуацию в СССР: «Можно ли после этого считать, что в СССР происходят качественные сдвиги? Выступивший недавно перед большой русскоязычной аудиторией Нью-Йорка известный советский поэт Булат Окуджава сказал, что в СССР происходят очень сложные процессы, результаты которых – если они вообще будут – наступят очень скоро» [Пока..., 1987, с. 119]. Или в журнале «Синтаксис» во втором абзаце статьи, посвященной перестройке изменениям в стране: «На пресс-конференции группы советских писателей в Западном Берлине Булат Окуджава сочувственно процитировал чьи-то слова, что „в России есть революционная ситуация, но нет революционеров“. Речь шла, разумеется, о горбачевской „революции сверху“. Перестройки нет, потому что некому делать, – так следует толковать реплику Окуджавы» [В. П., 1987, с. 6].

Б. Ш. Окуджава будет раскритикован болгарским диссидентом Петром Маноловым за то, что в мае 1986 года, выступая в городе Пловдив, не упомянул о Чернобыльской катастрофе: «Помню, как в конце мая 1986 года в Пловдиве прошла встреча с группой писателей из „Литературной газеты“. ...Помню еще, что спрашивал некоторых нумерованных интеллектуалов, не обмолвились ли хоть словом Распутин или Окуджава о Чернобыльской катастрофе. И у меня не вызвало приятных чувств то, что об этом ничего не было сказано; а в то самое время, когда Окуджава тербил струны своей гитары...» [Манолов, 1990, с. 246].

В публицистических материалах журнала «Время и мы» часты обращения к Б. Ш. Окуджаве. Проиллюстрируем это цитатой из статьи Доры Штурман «Правда и ложь», в которой размышления о партократии подкрепляются цитатой из «Песенки о ночной Москве»: «Неизвест-

но, успеем ли мы найти выход из лабиринта, в центре которого поджидает нас Минотавр партотократии, но ничего невозможного в отыскании этого выхода нет. И, когда вспоминаешь о существовании этого выхода, о его неисклученности (во всяком случае, о неполной его исключенности) в душе начинает тихо играть „надежды маленький оркестрик под управлением Любви” (Б. Окуджавы)» [Штурман, 1981, с. 109].

Юрий Глазов в статье «Взлет и падение диссидентов», описывая сложности судьбы диссидента-предателя Виктора Красина, его раскаяние в содеянном, роль жены Надежды Емелькиной, использует строчки из песни «Три сестры»: «Без Надежды Емелькиной, вероятно, не было бы Красина в его последние годы. Было бы другое следствие и другой процесс. ...И все-таки, как ни горько, не будем забывать, что Надежда – одна из трех сестер Булата Окуджавы, и вместе с Верой и Любовью „три судьи, три жены, три сестры милосердных открывают бессрочный кредит для меня”» [Глазов, 1984, с. 109].

Любопытно, что статьи о распрях в среде третьей волны эмиграции, опубликованные примерно в одно и то же время, и в «Континенте», и во «Времени и мы», и в «Синтаксисе» начинаются с цитат из Б. Ш. Окуджавы. Причем в двух случаях из трех использована «Старинная студенческая песня».

Журнал «Континент» публикует статью о спорах в периодике третьей волны В. Максимова под названием «Возьмемся за руки друзья...», заканчивающуюся так: «Поэтому я и хочу закончить эту короткую заметку обращением ко всем нашим единомышленникам в русском Зарубежье, цитируя здесь крылатые слова из песни Булата Окуджавы: – Возьмемся за руки, друзья! И тогда мы обязательно выстоим» [Максимов, 1981, с. 406].

Статье об эмигрантских спорах Александра Янова «Отчего мы молчим?» в «Синтаксисе» предпослан эпиграф: «...возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке. Булат Окуджавы» [Янов, 1980, с. 110].

Н. Прат (Анатолий Парташников), размышляющий о разобщенности в эмигрантской среде, открывает свою статью «Эмигрантские комплексы в историческом аспекте» во «Времени и мы» эпиграфом из «Сентиментального марша»: «Я все равно паду На той далекой, на гражданской...» [Прат, 1980, с. 179].

Какие еще (кроме указанного выше) упреки были адресованы авторами статей в журналах

Б.Ш. Окуджаве?

Николай Тюльпанов указывает на вторичность и литературность исторической прозы, не давая расшифровки того, какой смысл вкладывается в эти понятия [Тюльпинов, 1988, с. 422].

В рецензии на литературный сборник «Весть» критикуется оборванность финала опубликованной там повести Б. Окуджавы «Приключения секретного баптиста»: «Начало повести многообещающее: о попытке вербовки в МГБ в 50-е годы молодого журналиста из семьи репрессированных. Но конец, увы, как при резком торможении на красный свет: создается впечатление, будто автор хотел поскорее закончить однажды им начатое повествование» [А. К., 1990, с. 371].

Михаил Лемхин в статье «Кто же они, кумиры?» возмущен поведением Окуджавы, который оказался на обложке журнала «Огонек» в компании с Евтушенко, Вознесенским, Рождественским: «Да что же такое случилось, что все собрались на подмосковной даче Евтушенко? Кто с кем вместе теперь? Евтушенко – трубадур и пропагандист нового начальства, подпевала Вознесенский, Рождественский – номенклатурный товарищ, даже на внешность которого длительное пребывание в кабинетах наложило печать. И Окуджавы? Как же это такое возможно? Братание? Волк и агнец в трогательных объятиях. Рай наступил на земле? ...Неужели Булат Окуджавы не понимал, направляясь на этот шабаш, что он своим авторитетом поддерживает казенных функционеров? ...Почему? Нельзя было отказаться?» [Лемхин, 1987, с. 146].

В журналах «Континент» и «Время и мы» упоминается история с письмом Окуджавы в «Литературной газете» в 1972 году. Несмотря на расплывчатость формулировок в письме (как пишет Д. Быков: «Текст достойный... Ни одного имени, ни одного конкретного названия, ни малейшего раскаяния, никаких упреков – „оставляю на совести авторов”, – и даже прелестная расплывчатость формулировки „во враждебном для нас духе”, не уточняя, кто такие мы» [Быков, 2009, с. 635–636]), многими этот текст был воспринят как акт покаяния перед советскими властными структурами. Отголоски истории достигли эмигрантских журналов, и Окуджаву упрекали в произошедшем даже спустя несколько лет после истории с публикацией этого письма. «Люди, бросающие смелый, открытый вызов системе лжи и порабощения, не могут не вызывать восхищения. Но можно ли осуждать Окуджаву, написавшего покаянное письмо в Союз

писателей?» – читаем во «Времени и мы» в статье 1978 года В. Вишняка «Солженисты и скептики» [Вишняк, 1978, с. 165]. В журнале «Континент» в статье 1976 года: «Да любого инакомыслящего в СССР и без поездок обвиняют в связях с Западом, и нет обвинения весомее не только в глазах „правосудия“, но и в представлении общества – так уж приучили. Вас напечатал „Фонд Герцена“, „Посев“, Гедройц – и уже Шаламов или Окуджава спешат откреститься от публикации, а то и от самих произведений» [Марченко, 1976, с. 98]. Литературоведами не раз отмечалась комбинация черт официальной литературы и «подпольной» в творчестве Б. Ш. Окуджавы (см. например [Smith, 2001, с. 203])

Особого упоминания требуют опубликованные в журналах стихи, которые посвящены Б. Ш. Окуджава или в которых он упоминается. Всего таких публикаций девять (семь в «Континенте», две во «Времени и мы», среди них одна эпиграмма).

Среди поэтов, упоминавших Б. Ш. Окуджава, есть такие, кто занимал абсолютно противоположные эстетические позиции, например, Э. Лимонов [Лимонов, 1980, с. 149] и И. Лиснянская [Лиснянская, 1982, с. 11].

В поэме Н. Коржавина «Поэма причастности», посвященной редкой для эмигрантской поэзии теме войны в Афганистане, предпослан эпиграф из «Песенки веселого солдата»: «Как славно быть ни в чем не виноватым – Совсем простым солдатом... Солдатом» [Коржавин, 1982, с. 135].

С именем Б. Ш. Окуджавы связаны стихи Анны Горбуновой («Континент», 1977, № 12), Льва Друскина («Континент», 1981, № 30), Бахыта Кенжеева («Континент», 1988, № 56), Александра Верника («Континент», 1988, № 57), Дмитрия Малкина («Время и мы», 1979, № 47), Владимира Вишняка («Время и мы», 1981, № 62).

Собственно литературно-критических статей, посвященных творчеству Б. Ш. Окуджавы, в журналах было опубликовано всего три, и все в журнале «Континент». Две из трех статей написаны Виолеттой Иверин.

В статье «Час милосердия (Размышления о прозе Булата Окуджавы)» [Иверни, 1977] утверждается особая позиция Окуджавы в литературной и общественной жизни: «Он не обвинял, не бичевал, не раздавал пощечин. Он ничего не отрицал и ничего не утверждал. И он не был н а д – в той самой пресловутой башне из слоновой ко-

сти... И он не был п о д – море людских страданий и людских нечистот не проглотило и не разможило ему души – он был там же, где и все, среди, п о с р е д и, и пел свое. Свое – обо всех. И для всех» [Иверни, 1977, с. 353–354].

В отличие от советских критиков В. Иверни видит в Окуджава «глубоко религиозного художника»: «Я не имею в виду религиозности названной, церковной, религиозности-убеждения. Я имею в виду внутреннее ощущение физической и духовной причастности ко всему, что есть мир и Вселенная» [Иверни, 1977, с. 354].

Рассматривая повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль», романы «Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», В. Иверни указывает на их центральные тематические комплексы – любовь и свобода. Больше всего внимания уделено именно последнему указанному роману, знакомому критику по журнальной публикации в «Дружбе народов». Произведение характеризуется весьма поэтично: «Роман Окуджавы читать – словно на святках гадать в зеркале: зрачки втягивает в глубину, а там, говорят, судьба. И свечи мечутся» (с. 361). Именно в «Путешествии дилетантов» наиболее ярко переплетаются темы свободы и любви: «И весь роман становится от этого тонкой песней о свободе-женщине, о свободе-любви, как о некоем призрачном существе, касающемся нас неощутимо-бессильно, но всюду рассыпающем дерзкие искры» [Иверни, 1977, с. 363].

Следующая статья В. Иверни «Когда двигаетесь, старайтесь никого не толкнуть...» посвящена книжному выходу из печати романа «Путешествие дилетантов» [Иверни, 1980]. В начале статьи автор сетует на маленький тираж книги (30 тысяч экземпляров): «А эта вот остороженькая дозировка (как лекарство, что в малых дозах лечит, в больших – отравляет) – всякий раз бьет по нервам и автора, и читателя. Когда-нибудь вездесущие психоаналитики займутся интереснейшим вопросом о том, сколько сил и нервной энергии украдено у миллионов людей с помощью этого ежедневного издевательства» [Иверни, 1980, с. 358].

В безмерном восхищении «Путешествием дилетантов» особое внимание В. Иверни обращает на форму романа, подчеркивая её неразрывную связь с содержанием: «Настойчивая алогичность композиции оказывается отражением, доводом, системой доказательств той человеческой алогичности, которой Окуджава поет гимн в своем романе» [Иверни, 1980, с. 361]. Такая манера по-

строения произведения связывается с импрессионизмом, который свойственен поэзии: «Импрессионизм Окуджавы – не литературный метод, а мироощущение и мировидение, и, как результат, – поэтическое мироздание» [Иверни, 1980, с. 362].

Финал статьи переполнен метафорами, подчеркивающими пиетет критика по отношению к Б. Окуджаве, с одной стороны, а с другой, возвращающими к ключевой для романа теме свободы: «Булат Окуджава все-таки поразительный писатель. Столь же органично и естественно, как растение, которое вбирает из воздуха углекислый газ, а выделяет кислород, он вдыхает углекислый газ несвободы, а выдыхает чистейший кислород поэзии, гармонии – свободы» [Иверни, 1980, с. 363].

Под псевдонимом Марран в журнале «Континент» была опубликована обширная статья «Булат Окуджава и его время» [Марран, 1983]. Критик настаивает на неразрывной связи авторского исполнения Окуджавы и словесного текста: Будучи прочитанными, эти строки не дают и части того эмоционального эффекта, что возникает в авторском исполнении. Но ведь и все его песенное творчество – триединство голоса, гитарной мелодии и поэтической строки. Его песни не живут в другой – актерской интерпретации, а слова блекнут на бумаге» [Марран, 1983, с. 329].

Говоря о начале шестидесятых годов двадцатого века как времени надежд и ожиданий, Марран указывает на закономерность появления в это время повести «Будь здоров, школяр» и прихода первой волны популярности поэзии Б. Ш. Окуджавы [Марран, 1983, с. 332].

Читатель статьи проходит через ряд точечных анализов отдельных лирических произведений Окуджавы. Между лирикой шестидесятых и семидесятых годов, по мнению критика, проходит граница, обозначающая радикальный перелом в творчестве Б. Ш. Окуджавы. «В это время произошёл переход ...к более сложному и масштабному философско-историческому осмыслению действительности, к вовлечению в его творческий мир крупных культурно-исторических пластов. При этом лиризм ощущения все более явно и существенно сопутствовал лиризму мышления, а эмоциональное начало оплодотворяло напряженный интеллектуализм поэтического действия» [Марран, 1983, с. 340].

Также, как и В. Иверни, Марран рассуждает о религиозной составляющей лирики Б. Ш. Окуджавы (в этой связи см. также [Lewandowska,

2017; Kornacka-Sareło, 2017]). Религиозно-философские искания не только самого Б.Ш. Окуджавы, но и советского общества в целом отразились в стихотворении «Молитва»: «Появление этой песни, с такой полнотой воплощающей в поэтической форме нравственную сущность современного христианского мироощущения, – конечно, отнюдь не случайный эпизод в духовной жизни нашего общества» [Марран, 1983, с. 343].

Размышления о творчестве Б. Ш. Окуджавы невозможны без обращения к его исторической прозе. Марран пытается объяснить «странности» романа «Путешествие дилетантов», «где действие расплывчато и томительно затянуто». Он оправдывает это так: «своими истоками проза Окуджавы, как мне думается, уходит к «Петербургу» Белого с его раскованной романной стихией, многоголосьем и языковой свободой» [Марран, 1983, с. 347]. Упомянут критиком в этой связи также «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака. Надо учитывать и то, что «Путешествие дилетантов» написано поэтом с особым восприятием. Если марксистская идеология утверждает вторичность культуры по отношению к социально-экономическим обстоятельствам, то «творчество Окуджавы опровергает этот постулат. Оно все идет от культуры – истории, литературы, живописи» [Марран, 1983, с. 352]. Через страницу это суждение подкрепляется другой идеей: «Это уважение к жизни, восприятие ее как самоценной данности – характерная черта мировоззрения Окуджавы» [Марран, 1983, с. 354].

Автор статьи приходит к выводу, что творчество Б. Ш. Окуджавы оказывается своеобразным убежищем для интеллигента в эпоху советского лицемерия: «И песни Булата Окуджавы, впитавшие в себя настой русской культуры в самых гуманистических, внутренне свободных ее проявлениях, создают для современного российского интеллигента, живущего в суетном и жестоком мире, некую обитель, сердцем постигаемый театр очищенных от всего мелкого, житейского страстей и облагороженных образов, дающих ему чувство духовной родины, якоря, за который хоть на время, хоть на вечер можно зацепиться в море конформизма и двоедумия. Вот почему его так просветленно любят, так сладко тоскуют слушая, и вот почему его творчество, идущее от культуры, становится фактом жизни» [Марран, 1983, с. 353].

В 1990 году в журнале «Континент» (№63) появилось интервью Б. Окуджава, которое он дал

Виталию Амурскому. Разумеется, в интервью были вопросы о самоощущении Окуджавы в ту или иную эпоху. «В последние брежневские годы я просто умирал», – признается писатель [Всё..., 1990, с. 387]. Тогда «интеллигенция оказалась не только ненужной, но и опасной» [Всё..., 1990, с. 386]. Любопытно то, что вполне откровенно Окуджава говорит о религии, о вере (буквально третий вопрос), словно бы опровергая мнения критиков, которые были описаны выше: «Я вообще по своему воспитанию человек неверующий. Так случилось в моей жизни. Но, видимо, есть что-то такое во мне высокое, во имя чего веб, и я сам... Видимо, это есть, хотя я не анализирую этого ощущения, состояния» [Всё..., 1990, с. 388].

На мой взгляд, в интервью наиболее ценными выступают замечания о собственном творчестве, о литературе, которые могли бы помочь будущим комментаторам произведений Б. Окуджавы. Скажем, в песне «Голубой шарик» интервьюер увидел необычную символику шара: «...я об этом, о символике, просто не думал. Для меня это было неважно. Вот родилась такая ситуация, такой образ – я его запечатлел. Никаких философских выражений, никаких попыток анализировать жизнь не было. Позднее, когда меня стали спрашивать: „Что это значит?“ и т. д., – я придумал такое объяснение: голубой шарик символизирует нашу жизнь, жизнь вечную. Мы умираем, а жизнь продолжается. Придумано это было просто так – для успокоения особо активных вопрошателей. Сейчас же я воспринимаю эту символику как очень примитивную, случайную...» [Всё..., 1990, с. 389].

В. Амурский задает вопрос об исторических романах: «Критики считают, что самым фактом обращения к другой эпохе вы выразили некий протест по отношению к настоящим событиям». Окуджава резко отрицает такую точку зрения: «Нет, нет! Все это не так. Может быть, там есть элемент протеста – не знаю, не мне об этом судить. ...Передо мной никогда не было задачи – с помощью исторической прозы критиковать несовершенство нашего строя, нашей сегодняшней жизни» [Всё..., 1990, с. 390].

Отвечая на вопрос о повести «Приключения секретного баптиста», об истории героя этого текста Андрее Петровиче Шамине, который оказался в сетях госбезопасности, Б. Ш. Окуджава подчеркивает абсолютное совпадение с событиями собственной биографии: «Случилось все в 1954 году в Калуге, когда после учительства я

начал работать в областной газете. Вспоминая, пытаюсь проанализировать период, когда на меня свалилось такое „счастье“ – мне стали доверять органы! – я не могу представить себя иначе, как идиотом, у которого от всего закружилась голова...» [Всё..., 1990, с. 389].

Из этого интервью узнаём, например, что к песням Б. Гребенщикова Б. Ш. Окуджава относился весьма хорошо, называет его интересным представителем рок-музыки [Всё..., 1990, с. 393]. Есть любопытное упоминание о встрече в Париже в 1967 году с французским певцом Жоржем Брассенсом, с которым Б. Ш. Окуджава часто сравнивают [Всё..., 1990, с. 394].

Единственный большой текст об Б. Ш. Окуджаве в журнале «Время и мы» – скандальные воспоминания Давида Шраера-Петрова «Гусар с гитарой», опубликованные в 1989 году (№ 105).

Шраер-Петров рассказывает о том, как Б. Ш. Окуджава увел у него женщину по имени Ольга, обольстил её, а потом бросил. Автор воспоминаний решает отомстить за когда-то любимую женщину. Весной 1962 года во время гастролей Б. Ш. Окуджавы в Ленинграде Шраер-Петров приходит в гостиницу «Европейская» с ножом: «Он [Окуджава] отворил дверь, отпрянув, когда увидел меня. Я шагнул в комнату, пренебрегая его защитно протянутой рукой. Моя правая рука сжимала финский нож. Из окна видна была Театральная площадь в липах. И Пушкин. „Только не при нем“, – сказал Булат, ужаснувшись, на что я решился. Я подумал, что он о Пушкине. Но взгляд его показывал в другую сторону. На диване спал мальчик. „Пойдем со мной на мой вечер. И ты все услышишь. Тогда решай сам. Но только не при нем“» (с. 76–77). Что же было после концерта, Шраер-Петров не уточняет, однако подчеркивает, что после этого случая неоднократно с Б. Ш. Окуджавой встречался при разных обстоятельствах, Б. Ш. Окуджава хвалил его стихи (с. 80).

У Б. Ш. Окуджавы действительно были романтические и сложные отношения с Ольгой Батраковой, но в рассматриваемых воспоминаниях можно обнаружить много нестыковок. О них писал Д. Быков в биографии Б. Ш. Окуджавы: «Летом 1962 года Окуджава приехал в Ленинград не выступать, а жить; сына он с собой не брал (мальчик вообще никогда не ездил с ним на гастролы); сама Батракова к этому моменту уже два года как была замужем за другим, и естественней было бы выяснять отношения с ним; наконец, Окуджава многократно говорил в ин-

тервью, что умеет за себя постоять («Правда, я не обязательно оказался бы победителем, но это и не важно»)» [Быков, 2009, с. 350]. В. Фрумкин находит еще несколько «ошибок»: «Окуджава в те годы обычно останавливался в более скромной гостинице – „Октябрьская” на площади Восстания возле Московского вокзала. Удивляет и то, что из окна „Европейской” автор увидел „Театральную площадь в липах”. Шраер, коренной ленинградец, не мог не знать, что из гостиницы „Европейская” видна площадь Искусств, а не Театральная, где нет ни лип, ни Пушкина» [Фрумкин, 2015, с. 222–223].

Среди авторов журнальных материалов (статей, романов, пьес и т.д.), упоминавших Б. Ш. Окуджаву выделяется главный редактор журнала «Континент» В. Максимов, который чаще остальных обращается к имени поэта: всего десять публикаций в журнале «Континент» [Тревога..., 1980, с. 412; Максимов, 1981, с. 205; Максимов, 1982, с. 318; Максимов, 1985, с. 369; Максимов, 1987, с. 431; Максимов, 1989, с. 355–356; Максимов, 1990а, с. 318; Максимов, 1990б, с. 333; Максимов, 1991, с. 309], кроме этого еще интервью в журнале «Время и мы» [Максимов, 1986, с. 170–171, 174].

Заключение

Суммируем вышесказанное и попробуем ответить на вопрос, какой же образ Б. Ш. Окуджавы формируется в периодике третьей волны эмиграции? Поэт-романтик, исторический беллетрист, заслуживающий, как правило, самых высоких оценок, активно оказывающий влияние на развитие «другой» литературы в СССР, несмотря на компромиссы с властными структурами, являющийся авторитетом, камертоном в общественной жизни.

Библиографический список

1. А. К. Весть. Литературный сборник // Континент. 1990. № 64. С. 371–372.
2. Абовин-Егидес П. Философ в колхозе // Континент. 1984. № 42. С. 199–239.
3. Быков Д. Л. Булат Окуджава. Москва : Молодая гвардия, 2009. 776 с.
4. В. П. «Кадры», «оттепель» и перспективы «перестройки» // Синтаксис. 1987. № 17. С. 6–18.
5. Вишневская Ю. Православные, гевалт! // Синтаксис. 1988. № 21. С. 82–101.
6. Вишняк В. Солженицын и скептики // Время и мы. 1978. № 31. С. 148–167.
7. «Всё, что я делаю – связано с моим отношением к людям...». Беседу с Булатом Окуджавой ведет

журналист Виталий Амурский // Континент. 1990. № 63. С. 385–396.

8. Глазов Ю. Взлет и падение диссидентов // Время и мы. 1984. № 80. С. 91–110.

9. Иверни В. Когда двигаетесь, старайтесь никого не толкнуть... // Континент. 1980. № 24. С. 358–363.

10. Иверни В. Час милосердия (Размышления о прозе Булата Окуджавы // Континент. 1977. № 12. С. 353–364.

11. Карабчиевский Ю. И вохровцы и ээки. Заметки о песнях Александра Галича // Время и мы. 1982. № 65. С. 144–159.

12. Коржавин Н. Поэма причастности // Континент. 1982. № 33. С. 135–146.

13. [Б.а.] Коротко о книгах // Континент. 1977. № 12. С. 407–421.

14. [Б.а.] Коротко о книгах // Континент. 1986. № 48. С. 403–405.

15. Лемхин М. Кто же они, кумиры? // Время и мы. 1987. № 95. С. 136–149.

16. Лимонов Э. Эпоха бессознания // Континент. 1980. № 25. С. 148–149.

17. Лиснянская И. Проводы // Континент. 1982. № 34. С. 11–12.

18. Максимов В. Чаша ярости // Континент. 1981. № 30. С. 76–172.

19. Максимов В. Чаша ярости // Континент. 1982. № 32. С. 64–154.

20. Максимов В. Окололитературная бесовщина // Континент. 1985. № 43. С. 367–369.

21. Максимов В. Запад «перемывает портянки» нашей разночинной интеллигенции. Из цикла «Беседы в изгнании» профессора Джона Глэда // Время и мы. 1986. № 88. С. 168–187.

22. Максимов В. Племя живых // Континент. 1987. № 53. С. 429–432.

23. Максимов В. Кто боится Рэя Брэдбери? // Континент. 1989. № 59. С. 134–188.

24. Максимов В. Таланты и поклонники // Континент. 1990. № 62. С. 317–318.

25. Максимов В. В Москву за песнями // Континент. 1990. № 64. С. 331–334.

26. Максимов В. По закону кармы // Континент. 1991. № 66. С. 323–328.

27. Максимов В. «Возьмемся за руки друзья...» // Континент. 1981. № 28. С. 405–406.

28. Манолов П. Размышления с приписками // Континент. 1990. № 65. С. 243–254.

29. Марран. Булат Окуджава и его время // Континент. 1983. № 36. С. 329–354.

30. Марченко А., Тарусевич М. Tertium datur – треть дано // Континент. 1976. № 9. С. 81–122.

31. ...Пока что на словах. Комментарий редакции // Время и мы. 1987. № 95. С. 118–120.

32. Поповский М. Идеальный советский писатель // Континент. 1980. № 24. С. 297–330.

33. Прат Н. Эмигрантские комплексы в историческом аспекте // Время и мы. 1980. № 56. С. 179–194.

34. Рубинштейн Н. Выключите магнитофон – поговорим о поэте // *Время и мы*. 1975. № 2. С. 164–177.
35. Рубинштейн Н. Сказание о земле Ибанской // *Время и мы*. 1977. № 16. С. 143–162.
36. Снегирев Г. Как на духу... // *Континент*. 1979. № 21. С. 89–145.
37. Соколов В. Разговор с Чеславом Милошем // *Континент*. 1980. № 26. С. 433–445.
38. Суслов И. Эссе о цензуре // *Время и мы*. 1980. № 56. С. 195–211.
39. Тревога. Разговор с Владимиром Максимовым // *Континент*. 1980. № 25. С. 389–419.
40. Тюльпинов Н. Зов крови или жажда крови? // *Континент*. 1988. № 57. С. 415–425.
41. Фрумкин В. Две истории, связанные с Окуджавой // *Время и место*. 2015. Вып. 1 (33). С. 216–227.
42. Штурман Д. Правда и ложь // *Время и мы*. 1981. № 61. С. 82–109.
43. Эгеланд Э. Встреча с Неизвестным // *Континент*. 1978. № 17. С. 299–314.
44. Эткинд Е. «Человеческая комедия» Александра Галича // *Континент*. 1975. № 5. С. 405–426.
45. Эткинд Е. Поэзия и облик истины // *Время и мы*. 1986. № 92. С. 166–185.
46. Янов А. Отчего мы молчим? // *Синтаксис*. 1980. № 8. С. 110–115.
47. Kornacka-Sareło K. A. Rosyjskie, żydowskie czy ludzkie? Żydowska myśl mistyczna w poezji bułata szafłowicza okudżawy // *Porównania*. 2017. № 2. С. 197–214.
48. Lewandowska O. M. Motywy biblijne w pieśniach Bułata Okudżawy // *Przegląd Rusycystyczny*. 2017. № 159. С. 31–48.
49. Smith G. S. Russian poetry since 1945 // *The Routledge Companion to Russian Literature*. London and New York : Routledge. 2001. С. 197–208.
8. Glazov Ju. Vzlet i padenie dissidentov = The rise and fall of the dissidents // *Vremja i my*. 1984. № 80. С. 91–110.
9. Iverni V. Kogda dvigaetes', starajtes' nikogo ne tolknut'... = When you move, try not to push anyone... // *Kontinent*. 1980. № 24. С. 358–363.
10. Iverni V. Chas miloserdija (Razmyshlenija o proze Bulata Okudzhavy) = The hour of mercy (Reflections on Bulat Okudzhava's prose) // *Kontinent*. 1977. № 12. С. 353–364.
11. Karabchievskij Ju. I vohrovcy i zjeki. Zametki o pesnjah Aleksandra Galicha = Both guards and convicts. Notes on Alexander Galich's songs // *Vremja i my*. 1982. № 65. С. 144–159.
12. Korzhavin N. Pojema prichastnosti = A poem of belonging // *Kontinent*. 1982. № 33. С. 135–146.
13. [B.a.] Korotko o knigah = Books in brief // *Kontinent*. 1977. № 12. С. 407–421.
14. [B.a.] Korotko o knigah = Books in brief // *Kontinent*. 1986. № 48. С. 403–405.
15. Lemhin M. Kto zhe oni, kumiry? = Who are they, the idols? // *Vremja i my*. 1987. № 95. С. 136–149.
16. Limonov Je. Jepoha bessoznanija = The Age of Unconsciousness // *Kontinent*. 1980. № 25. С. 148–149.
17. Lisnjanskaja I. Provody = The Farewell // *Kontinent*. 1982. № 34. С. 11–12.
18. Maksimov V. Chasha jarosti = The cup of fury // *Kontinent*. 1981. № 30. С. 76–172.
19. Maksimov V. Chasha jarosti = The cup of fury // *Kontinent*. 1982. № 32. С. 64–154.
20. Maksimov V. Okololiteraturnaja besovshhina = Devilry surrounding literature // *Kontinent*. 1985. № 43. С. 367–369.
21. Maksimov V. Zapad «peremyvaet portjanki» nashej raznochinnoj intelligencii. Iz cikla «Besedy v izgnanii» professora Dzhona Gljeda = The West is «washing footcloths» of our intelligentsia. From «Conversations in exile» by Professor John Glad // *Vremja i my*. 1986. № 88. С. 168–187.
22. Maksimov V. Plemja zhivyh = The tribe of the living // *Kontinent*. 1987. № 53. С. 429–432.
23. Maksimov V. Kto boitsja Rjeja Brjedberi? = Who is afraid of Ray Bradbury? // *Kontinent*. 1989. № 59. С. 134–188.
24. Maksimov V. Talanty i poklonniki = Talent and admirers // *Kontinent*. 1990. № 62. С. 317–318.
25. Maksimov V. V Moskvu za pesnjami = To Moscow for songs // *Kontinent*. 1990. № 64. С. 331–334.
26. Maksimov V. Po zakonu karmy = By the law of karma // *Kontinent*. 1991. № 66. С. 323–328.
27. Maksimov V. «Voz'memsja za ruki druž'ja...» = «Let's hold hands friends...» // *Kontinent*. 1981. № 28. С. 405–406.
28. Manolov P. Razmyshlenija s pripiskami = Reflections with additions // *Kontinent*. 1990. № 65. С. 243–254.

Reference list

1. A. K. Vest'. Literaturnyj sbornik = News. Literary anthology. // *Kontinent*. 1990. № 64. С. 371–372.
2. Abovin-Egides P. Filosof v kolhoze = The philosopher in the collective farm // *Kontinent*. 1984. № 42. С. 199–239.
3. Bykov D. L. Bulat Okudzhava = Bulat Okudzhava. Moskva : Molodaja gvardija, 2009. 776 s.
4. V. P. «Kadry», «ottepel'» i perspektivy «perestrojki» = «Personnel», «thaw» and the prospects of «perestrojka» // *Sintaksis*. 1987. № 17. С. 6–18.
5. Vishnevskaja Ju. Pravoslavnye, gevalt! = Christians, gewalt! // *Sintaksis*. 1988. № 21. С. 82–101.
6. Vishnjaka V. Solzhenisty i skeptiki = Solzhenists and skeptics // *Vremja i my*. 1978. № 31. С. 148–167.
7. «Vsjo, chto ja delaju – svjazano s moim otnosheniem k ljudjam...». Besedu s Bulatom Okudzhavoj vedet zhurnalist Vitalij Amurskij = «Everything I do is connected with my attitude to people...». Journalist Vitaly Amursky is interviewing Bulat Okudzhava // *Kontinent*. 1990. № 63. С. 385–396.

29. Marran. Bulat Okudzhava i ego vremja = Bulat Okudzhava and his time // Kontinent. 1983. № 36. S. 329–354.
30. Marchenko A., Tarusevich M. Tertium datur – tret'e dano = Tertium datur – the third is given // Kontinent. 1976. № 9. S. 81–122.
31. ...Poka chto na slovah. Kommentarij redakcii = ...So far, it's in words. Editorial commentary // Vremja i my. 1987. № 95. S. 118–120.
32. Popovskij M. Ideal'nyj sovetskij pisatel' = An ideal Soviet writer // Kontinent. 1980. № 24. S. 297–330.
33. Prat N. Jemigrantskie komplekxy v istoricheskom aspekte = Emigrant complexes in historical perspective // Vremja i my. 1980. № 56. S. 179–194.
34. Rubinshtejn N. Vykljuchite magnitofon – pogovorim o pojete = Turn off the tape recorder – let's talk about the poet // Vremja i my. 1975. № 2. S. 164–177.
35. Rubinshtejn N. Skazanie o zemle Ibanskoj = The tale of the Iban Land // Vremja i my. 1977. № 16. S. 143–162.
36. Snegirev G. Kak na duhu... = As if confessing... // Kontinent. 1979. № 21. S. 89–145.
37. Sokolov V. Razgovor s Cheslavom Miloszem = Talking with Czeslaw Milosz // Kontinent. 1980. № 26. S. 433–445.
38. Suslov I. Jesse o cenzure = Essays on censorship // Vremja i my. 1980. № 56. S. 195–211.
39. Trevoga. Razgovor s Vladimirom Maksimovym = Anxiety. A conversation with Vladimir Maximov // Kontinent. 1980. № 25. S. 389–419.
40. Tjul'pinov N. Zov krovi ili zhazhda krovi? = The call of blood or the thirst for blood? // Kontinent. 1988. № 57. S. 415–425.
41. Frumkin V. Dve istorii, svjazannye s Okudzhavoj = Two stories related to Okudzhava // Vremja i mesto. 2015. Vyp. 1 (33). S. 216–227.
42. Shturman D. Pravda i lozh' = The truth and lies // Vremja i my. 1981. № 61. S. 82–109.
43. Jegeland Je. Vstrecha s Neizvestnym = Meeting Neizvestny // Kontinent. 1978. № 17. S. 299–314.
44. Jetkind E. «Chelovecheskaja komedija» Aleksandra Galicha = The Human Comedy by Alexander Galich // Kontinent. 1975. № 5. S. 405–426.
45. Jetkind E. Pojezija i oblik istiny = Poetry and the image of the truth // Vremja i my. 1986. № 92. S. 166–185.
46. Janov A. Otchego my molchim? = Why are we silent? // Sintaksis. 1980. № 8. S. 110–115.
47. Kornacka-Sareło K. A. Rosyjskie, żydowskie czy ludzkie? Żydowska myśl mistyczna w poezji Bułata Szałwowicza okudżawy // Porównania. 2017. № 2. S. 197–214.
48. Lewandowska O. M. Motywy biblijne w pieśniach Bułata Okudżawy // Przegląd Rusycystyczny. 2017. № 159. S. 31–48.
49. Smith G. S. Russian poetry since 1945 // The Routledge Companion to Russian Literature. London and New York : Routledge. 2001. S. 197–208.